

Ю.А. Иоаннесян

Иранистическая конференция «Философия, религия, история и культура Ирана»

Санкт-Петербург, 18 февраля 2015 г.

18 февраля 2015 г. в ИВР РАН прошла иранистическая конференция «Философия, религия, история и культура Ирана», посвященная памяти выдающегося отечественного ираниста, заведующего сектором Среднего Востока нашего Института на протяжении десятилетий Олега Федоровича Акимушкина (17.02.1929 — 31.10.2010).

Выпускник кафедры иранской филологии ЛГУ (1953); с декабря 1953 г. сотрудник СПбФ ИВ РАН; к.ф.н. (1970); зав. сектором Среднего Востока (1971); профессор Киргизского госуниверситета (1992); с 1976 г. подготовил девять кандидатов исторических и филологических наук; опубликовал более 240 работ по различным вопросам истории, истории культуры, филологии Ирана; преподаватель-доцент Восточного факультета ЛГУ/СПбГУ (с 1966 г.); с 1980 г. читал курс лекций на Восточном факультете СПбГУ «Введение в мусульманский мистицизм», «Мусульманская рукопись. Текстология и кодикология» и ряд спецкурсов. О.Ф. Акимушкин ушел из жизни в 2010 г., а 17 февраля 2015 г. ему исполнилось бы 86 лет.

Тематика докладов конференции отражала широчайший спектр научных интересов О.Ф. Акимушкина. Хотя формально конференция не была международной, в ней принял участие с докладом гость из Великобритании (Институт исмаилитских исследований) Я. Эшотс. Кроме него в конференции приняли участие сотрудники ИВР РАН, СПбГУ, а также бывшие сотрудники нашего Института, хорошо знавшие О.Ф. Акимушкина. Было прочитано 11 докладов (один докладчик — И.К. Павлова не смогла присутствовать из-за болезни). Конференция проходила с использованием современных технических средств. Организовывал и вел конференцию с.н.с. Ю.А. Иоаннесян.

Конференцию открыла старейший сотрудник Института и сектора Среднего Востока, находящаяся в настоящее время на пенсии, д.и.н. О.П. Щеглова. В докладе «О.Ф. Акимушкин — востоковед и иранист» Олимпиада Павловна остановилась на вехах трудовой деятельности и биографии Олега Федоровича. Она рассказала, с чего начинал выдающийся иранист-энциклопедист свою карьеру в Институте, осветила главные направления его деятельности как исследователя и педагога, вырастившего плеяду учеников, подчеркнув в завершение, что в последние годы, когда Олег Федорович тяжело болел, он не был забыт своими друзьями, коллегами и учениками.

Я. Эшотс в докладе «О.Ф. Акимушкин как исследователь сефевидского Ирана» (на русском языке) отметил, что О.Ф. Акимушкин определял изучение рукописей (*нусхашинаси*) как основную область своих научных интересов. Поэтому закономерно, что, обладая глубокими познаниями в области истории, литературы и искусства сефевидского Ирана, в своих трудах он рассматривал его преимущественно через призму рукописной культуры. Основательность познаний О.Ф. Акимушкина в истории сефевидского Ирана, его государственного устройства и научно-культурной жизни особенно убедительно раскрывается в его примечаниях к русскому переводу

трактата Куми. Его эрудиция в этой области нисколько не уступает познаниям самых выдающихся знатоков сефевидского Ирана как в самом Иране, так и за его пределами.

О.М. Чунакова в докладе «Шелковый фрагмент из Туяк-Мазара» отметила, что среди материалов Центральноазиатского фонда ИВР РАН под шифром SI 3740 хранится фрагмент из шелкового полотна, размером 13,5×25 см, сшитый из двух узких полос. На его лицевой стороне видны следы написанных черной тушью 40 смытых строк, содержащих нечитаемые мелкие знаки, напоминающие буквы манихейского письма. Несмотря на то что этот документ не может быть прочитан, его внешний вид позволяет сделать некоторые предположения относительно его назначения. Шелковое полотно, первоначально изготовленное и использованное для манихейского письма, позже в буддийской среде было подбито шелковой подкладкой и использовано в качестве обложки для рукописи-гармоники. Особенности обложки позволяют предположить, что эта буддийская рукопись была написана на китайском или древнеуйгурском языке.

З.А. Юсупова начала доклад «Роль Азиатского музея в развитии отечественного курдоведения» с воспоминаний о тех годах, когда Олег Федорович возглавлял группу курдоведения, успешно совмещая эту обязанность с руководством Иранским сектором. Он принимал активное участие в научной работе курдоведов — писал отзывы, редактировал работы, всячески содействовал их публикации. Докладчица с благодарностью вспоминает о сотрудничестве с этим крупным ученым и прекрасным организатором. В другой части доклада, посвященной Азиатскому музею (учрежденному в 1818 г.), Зарэ Алиевна показала, как велика была роль этого академического центра Востока в зарождении отечественного курдоведения. Развитие русского курдоведения в Азиатском музее тесно связано с именами Б.А. Дорна, А.Д. Френа, А.А. Фреймана, Н. Лерха, А. Жаба, Н.Я. Марра и И.А. Орбели. Курдоведение включало три направления: сбор рукописей и запись текстов, исследования и публикация трудов, подготовка курдоведческих кадров.

М.С. Пелевин (СПбГУ) в докладе «Сведения о биографии Хушхал-хана Хатака в „Хатакской хронике“ (текстологический аспект)» представил текстологический анализ фрагментов, входящих в хроникальную часть историографического сочинения на языке пашто «Тарих-и мурасса» («Инкрустированная история»; закончено в 1724 г.) и содержащих сведения о биографии афганского классического поэта и племенного вождя Хушхал-хана Хатака (1613–1689). Источником исследования является уникальное литографское издание сочинения 1974 г. (Д.М. Камил; Пешавар). Издание содержит элементы критики текста, но в целом представляет собой воспроизведение одной из полных рукописей сочинения середины XIX в. Исследование текста избранных фрагментов показывает, что он сохранился в крайне неудовлетворительном состоянии — с большими лакунами, сбоями в логической и временной последовательности изложения, неточным или ошибочным разграничением тематических фрагментов, рядом интерполяций. Есть основание полагать, что фактически до нас дошел промежуточный черновой вариант авторского текста, впоследствии испытанный, вероятно, и какую-то внешнюю правку. В докладе перечислены источники, лежащие в основе фрагментов с биографическими сведениями о Хушхал-хане, показана композиционная структура этих фрагментов, отмечены наиболее важные факты, свидетельствующие о том, что «Хатакская хроника» в «Тарих-и мурасса» является ключевым, но по-прежнему малоизученным памятником афганской историографической прозы позднего средневековья.

Известная петербургская журналистка, выпускница Восточного факультета СПбГУ М. Баконина в выступлении «Один в поле воин: О.Ф. Акимускин и пресса» отметила

выдающийся вклад О.Ф. Акимушкина в расследование уголовного дела, связанного с похищением в 90-х годах ценных книг из РНБ, получившего название «дело Якубовского». Докладчица привела фразу Олега Федоровича о том, что, по его мнению, востоковедение должно иметь и практическое применение. Выступление сопровождалось показом слайдов.

А.И. Колесников в докладе «Уникальная арабо-сасанидская монета из Мерва» предложил исправление чтения атрибуционных легенд на уникальной драхме, чеканенной в Мерве в 78 г.х. (697–698 гг. н.э.) от имени арабского наместника Мухаллаба б. Аби Суфры. Персидский текст статьи с фотографиями монеты, первоначальным чтением легенд и предварительными выводами был получен по электронной почте от ее автора, иранского нумизмата Амина Амани с просьбой высказать свои соображения, что и получило отражение в докладе.

Е.И. Васильева в докладе «Курдский округ Зохаб на турецко-персидской границе» остановилась на том, что Зохаб расположен в Юго-Восточном Курдистане на большом караванном пути: Багдад–Ханекин–Касри–Ширин–Керманшах. Приграничным округом он стал в результате Зохабского договора, заключенного между Османской Турцией и сефевидским Ираном. Курды и курдские территории были разделены границей в соответствии с этим договором. Спор из-за Зохаба, переходившего из рук в руки, продолжался до 1914 г. В результате округ поделили на две части: горная отошла к Персии, равнинная — к Турции, но демаркационная линия оставалась неопределенной. Племена игнорировали эту границу и зимовали в равнинной части, а летом перекочевывали в горную. Такое положение вещей сохранялось до 1914 г., времени работы последней комиссии по разграничению территорий Турции и Ирана.

А.А. Хисматулин в докладе «Процедура назначения на должность при дворе Салджукидов» говорил о том, что опубликованные источники эпохи правления Великих Салджуков и их анатолийских преемников (XI–XIII вв.) дают вполне стройное представление о том, как происходило назначение на высшие государственные должности при султанском дворе. Эта процедура мало чем отличалась от принятой в наши дни и состояла из нескольких последовательных шагов, которые на заключительном этапе сопровождались выпуском ряда документов, нередко обозначавшихся общим термином *фирман* («царский указ»):

1. Предварительная устная договоренность о назначении на должность конкретного чиновника, с использованием наследственных (или коррупционных) связей.

2. Подготовка вовлеченным министерством списка должностных обязанностей, рассчитанных на конкретного чиновника. Название документа — *машрух* («описание»). В досельджукскую эпоху Газнавидов аналогичный документ — *муваза'ат* («соглашение»).

3. Оглашение назначения чиновника на должность, составленное от имени султана на основе утвержденного министерством *машруха* и предназначенное для ознакомления и исполнения всем вовлеченным сторонам. Название документа — *манишур* («приказ»).

4. Выдача документа о назначении на руки назначенному чиновнику. Название документа — *мисал* («рескрипт»).

И.Р. Каткова в докладе «Следы персидского космополитизма в индонезийском исламе» отметила, что научная полемика о влиянии персидской культуры на исламизацию Малайского архипелага и малайскую культуру наряду с арабской, индийской и китайской ведется давно. Но сегодня появилась новая тенденция, связанная с проблемой распространения научных знаний, а именно знаний о человеке, о врачевании и астрологии вследствие миграции культурной элиты из Средней Азии в XIII–

XIV вв. Персидский язык в XIV–XV вв. стал космополитическим языком ислама, соединившим государства Малайского архипелага с остальным исламским миром. Вместе с доктринами мистического ислама таких деятелей суфизма, как Наджм ад-Дин ал-Кубра (1145–1221), переселенцы из Средней Азии принесли на острова практику врачевания. Многие исследователи считают, что малайское слово *дукун*, означающее целителя традиционной медицины или духовного наставника, имеет персидские корни.

Ю.А. Иоаннесян в докладе «Бахаи в Российской империи» рассказал об истории общин бахаи в царской России, особо остановившись на наиболее организованной ашхабадской. В докладе были выделены вехи ее истории, приведены архивные документы, а также открытая недавно автором доклада в Рукописном отделе ИВ РАН рукописная хвалебная ода персоязычного поэта из этой общины в честь русского императора Александра III в благодарность за справедливое расследование российскими властями убийства благочестивого Хаджи Риза Мухаммада Исфакхани шиитскими фанатиками. Были процитированы выдержки из перевода этой оды на русский язык, выполненного Ю.А. Иоаннесяном, и показано отсканированное изображение оригинала рукописи.

Тематика выступлений отразила разнообразие специализации иранистов, принявших участие в конференции. Выступления продемонстрировали, что при всем разнообразии специализации петербургских исследователей их объединяет понимание значимости текстологического изучения источников.

Заседание подтвердило актуальность проведения подобных конференций для обсуждения в профессиональной аудитории направления и результатов исследований в области философии, религии, истории и культуры Ирана, чему и была посвящена конференция.